

Юрий Иванов

Кыш, магия!

Юрий Михайлович Иванов

Кыш, магия!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283302

ISBN 978-5-4474-1590-7

Аннотация

Это веселое волшебное путешествие. Девочка Саня, которая терпеть не может свое имя, отправляется в чудную страну Набекрения, чтобы спасти дядю Артура из королей. Саню подкарауливают смешные, а иногда и опасные приключения. Потому что здесь, в Набекрении, у всех мозги набекрень. В конце путешествия Саня узнает великий секрет Неимени.

Содержание

Кыш, магия!	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	20
Глава третья,	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кыш, магия!

Юрий Михайлович Иванов

© Юрий Михайлович Иванов, 2015

© Екатерина Бирюкова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Кыш, магия!

Сказочная повесть

Глава первая, в которой стучится Странный Почтальон и с лунным светом приходит пухлое-пухлое письмо

Саня сидела на подоконнике, глядела в окно и размышляла над тем, как ей не по вкусу собственное имя. Потому что все, абсолютно все, кто слышали её имя, но саму пока не видели, полагали, что она – мальчик. Правда, она себя успокаивала: «Когда повзрослею и сделаюсь тётенькой, меня будут красиво величать Александрой». Но от этого делалось ещё печальней: как бы Сане не мечталось переменить имя, ей для этого вовсе не хотелось стареть. А пока лишь один человек на целом свете звал её Александрой – это дядя Артур, мамин брат.

Когда он приезжал в гости (что случалось редко, всего три раза в год – на три дня рождения: папин, мамин и Санин), тогда в доме воцарялся весёлый переполох. Мама говорила, что брат несносен, потому что навсегда остался ребёнком. А

вот Сане дядя Артур нравился очень-очень.

Дядя был забавный, он рассказывал волшебные истории и показывал фокусы. Одним взмахом превращал тросточку в букет цветов – и ничего, что бумажных. У него были «хитрые» монеты. Одна «бегающая», которая сама собой переносилась из руки в руку, то пропадала, то вынималась у Сани из-за уха или даже из носа. Другая монета была «мошенническая»: сколько ни подбрасывай, она всегда выпадала вверх решкой. Саня-то знала секрет: обе стороны у монеты были подделаны одинаковыми. И Саня весело смеялась всякий раз, когда дядя кому-нибудь предлагал разрешить серьёзный спор подбрасыванием монеты. Это было замечательно: решать нудный спор подкидыванием шутовской монеты. В общем, дядя привносил радость к ним в дом, балагурил и дарил чудесные подарки.

Так вот. Сейчас Саня в окно высматривала дядю Артура, который должен был с минуты на минуту появиться у их дома – ведь на завтра был день рождения её папы.

Незаметно опустился вечер, а дяди всё не было.

Тогда-то в дверь и постучал Странный Почтальон.

Почтальон был странным хотя бы потому, что постучал, а не позвонил – ведь дверной звонок работал исправно. Ещё на нём была форменная одежда, что для сегодняшних почтальонов необычно. Форменный китель с маленькими погончиками горел ярко-красным цветом. Фуражка была алой и такой высокой спереди (эта часть у фуражек зовётся ту-

льей), что было загадкой, как Почтальон прошёл в прихожую и не зацепил тульей притолоку двери. А ещё (Саня могла в том поклясться) от него исходил диковинный аромат приключений!

– Вам телеграмма, – объявил Странный Почтальон и полез в чудную сумку, которая висела на ремне через плечо и была такой узкой и плоской, что одна-единственная телеграмма и могла в ней уместиться. Почтальон таинственно глянул на Саню и прибавил: – Ещё будет пухлое-пухлое письмо.

Наконец, он вытянул кончиками пальцев телеграмму. Мама потянулась за ней. Но Почтальон отстранился от руки и строго возразил:

– Мне поручено не вручить, а зачитать, – с этими словами поднёс телеграмму к глазам и прочёл безо всякого выражения: – «Не могу приехать точка Александра жди лунный свет точка дядя Артур точка».

– Теперь давайте письмо, – сказала мама.

Странный Почтальон вытаращил на неё большие честные глаза и ответил почему-то с обидой:

– Разве не ясно, что пухлое-пухлое письмо ко мне в сумку не поместилось бы! Оно будет доставлено с лунным светом, как сообщается в телеграмме.

– Каким-таким лунным светом? – всплеснула руками мама и огорчённо вздохнула. – Ну разве мой брат – не ребёнок? Странный Почтальон пожал плечами, одарил Саню таин-

ственным взглядом и ушёл, поскрипывая новенькими ботинками.

Мама с папой посудачили недолго о том, как исправлять дядю Артура, – ни на чем путном не сошлись, и семья дружно отправилась спать.

Саня ворочалась в своей комнате в постели, ей не спалось. Было обидно, что дядя не приедет. Сане вспомнился таинственный взгляд Странного Почтальона и обещание доставить пухлое-пухлое письмо с лунным светом. Тогда, чтобы не прозевать лунный свет, Саня тихо-тихо оделась (при этом огорчилась, что не взяла в комнату туфельки), села на кровать и настроилась на долгое-долгое ожидание – если понадобится, так до утра.

Но столько ждать не пришлось!

Только над городом взошла луна, свет пролился в комнату и разостлался по столу будто бы серебряным снегом с одним сугробом.

От удивления Саня подскочила на кровати. Побежала к столу, зачерпнула полную пригоршню дивного снега – он пах сладко, булочкой с ванилью. Саня слепила снежок и завертела головой, думая, куда метить, – да не придумав, просто кинула в стену. Снежок ударился, разлетелся на лунные брызги: одна капелька даже попала на нос Сане – она взвизгнула от сюрприза, но мигом зажала ладонью рот и юркнула под стол.

Хорошо, что ни мама, ни папа не проснулись. А Саня

(став глубоко ответственной, как того требовали необычные обстоятельства) принялась исследовать стол, покрытый лунным снегом.

Саня опасливо запустила в сугроб пальцы, они наткнулись на что-то... твёрдое. Она склонилась, дунула – и ах! из-под снега оголился огромный пухлый-пухлый конверт. Внутри была обувная коробка, в которой лежали... и впрямь, башмачки. Серебристые, как лунный свет, они сверху были украшены золотыми бантами в виде бабочек. На дне коробки находилось письмо. Саня подставила бумагу под льющийся из окна свет луны и прочла, волнуясь:

«Милая Александра, я угодил в жуткую беду – меня назначили королём в стране Набекрения. Но ты-то знаешь: какой из меня король? Быть королём ужасно скучно! Я обращаюсь за помощью к тебе, а не к твоим родителям, потому что они всё равно в это не поверят. А чтобы попасть в Набекрению, надо не просто верить – нужно твёрдо знать, что это место существует!

Думаю, ты уже готова к путешествию и стоишь одетая, но, чтобы обуться, тебе придётся красться в прихожую. Не ходи, никого не буди. Надень эти *правильные!* башмачки.

Если решишь остаться дома – не обижусь, это верное решение, потому что здесь очень-очень-очень опасно.

А если всё-такипустишься на выручку, тогда внимательно прочти письмо до самого конца... и, надеюсь, мы оба до утра

вернёмся домой живы-здоровы.

Твой дядя Артур, теперь ещё и король».

Разве Саня когда-нибудь чего-нибудь боялась? А тем более, опасных странствий!

Она решительно сунула ноги в башмачки, но они оказались жутко малы.

«Как несправедливо, – подумала она, – натирать ноги тесной обувью в дальнем путешествии».

– Наверное, где-то тут что-то тут неправильно.

Только сказала, башмачки – хлоп! вытянулись так сильно, что за пятками появилось сантиметров по десять свободного места. Саня сокрушённо вздохнула и попробовала пройтись по комнате, но вышло одно ковыляние и шарканье.

«Ковыляя и шаркая, не спасёшь никого, – решила она. – В пору будет меня саму спасти команде каких-нибудь вертолётных спасателей... или обувных спасателей!»

Тут вспомнила волшебные слова, что недавно произнесла, и догадалась: «Наверное, где-то тут что-то тут неправильно – это увеличительные слова. Надо поискать уменьшительные. Они, конечно, должны быть схожими, но звучать как-то наоборот».

Она стала придумывать и проговаривать без разбору разные похожие слова, совершая медленные обходы вокруг стола:

– Где-то не тут что-то не тут правильно. Было – не было,

всё туфельками поросло. Быль – небыль, туча пыли. Бух – не пух, бах – петух, всем привет!

Но башмачки или никак не реагировали, или только увеличивались. Когда все слова были испробованы, Саня тащилась по полу в гигантски вытянувшихся башмаках, будто шла на лыжах.

Тогда стала читать башмачкам умасливающий стишок, который тоже сочиняла на ходу, тем более что её ход в сверхдлинных башмачках сделался сверхмедленным:

Шли ботинки в магазины
Любоваться на витрины:
Сапоги там из резины,
Ещё щётки из щетины.

Там стояли сандалеты
И пуанты из балета,
Тапки были из вельвета,
И очень старая котлета!

Вдруг Сане надоело нести околесицу, и она не на шутку осерчала.

– Ну-ка, – сказала она, грозя башмачкам пальцем, – немедленно станьте правильными! Или подарю вас подруге Зине, а она такая неряха, никогда обувь не чистит!

И, о чудо! Башмачки мигом съежились и пришлись по ногам – наверное, испугались. А может, подействовал приказ

стать правильными, ведь дядя так и писал: это правильные! башмачки.

Разобравшись с башмаками, Саня бросила на стол письмо, которое по-прежнему держала в руке.

Невероятно! Письмо, упав в лунный снег, принялось складываться, пока не сложилось в бумажного голубя – птица замахала крыльями и полетела. Лунный свет, встревоженный крылами, сорвался со стола и потянулся дорожкой за птицей. Она сделала круг и устремилась в стену – туда, куда Саня попадала снежком. Голубь коснулся стены и пропал, будто пролетел насквозь. Лишь лунная дорожка осталась висеть протянутой от стола к стене.

Новая игра пришлась Сане по вкусу, и она бодро полезла на стол. Оттуда ступила на лунную дорожку и не провалилась: свет прогнулся, но выдержал. А вот идти по свету оказалось сущей морокой – он провисал и раскачивался под ней.

Саня вздохнула и, не придумав ничего лучшего, опустилась на четвереньки. Так она дочетверенькала до стены. Окинула прощальным взглядом комнату и вдруг поняла, что прощаться-то не с чем. Она покидала скучную, тысячу раз исхоженную комнатенку, а впереди ждало приключение, новоиспеченное и неразведенное!

Тут она, к месту вспомнив о разведке, сунула руку в стену – туда, где исчез бумажный голубь. Рука провалилась по плечо и, наверное, вылезла в Набекрении. Саня представила себе, как там торчит ее рука и такая же девочка, только та-

мошняя, видя эту ничейную руку без туловища, сейчас бухается в обморок. Саня решила, что это нехорошо.

Она запустила в стену вторую руку и полезла вслед за руками. Проход оказался неширок, и она застряла. Положение было неприглядно: где-то впереди, в чужом мире, торчали руки, где-то позади, в родном мире, торчали ноги, а сама Саня застряла здесь, между мирами. Она уже подумала вернуться, но прогнала пораженческую мысль и, выдохнув воздух без остатка, взялась пропихиваться вперед, дрыгая попеременно ногами.

Внезапно она вывалилась наружу и шлепнулась... на поляну.

Здесь светило солнце, пели птицы и воздух был необычайно свеж – в общем, над поляной витал дух летних каникул. Поляну устилали одуванчики. Саня гостила прошлым летом у бабушки, которая потчевала её одуванчиковым мёдом. Он был золотистый, душистый и отличался от всех мёдов резким незабываемым вкусом.

На этой же поляне одуванчики были уже другие. Их семена поспели, и теперь имелись шарообразные опушённые хохолки. Тут стояло ровным счётом девятьсот девяносто девять хохолков (откуда Саня столь точно знала – необъяснимо, но знала точно!).

Вдруг Сане так и захотелось их всех разом обдуть!

Но надо быть великаном (или хотя бы вентилятором), чтобы дунуть на всю поляну. Она застыла, примеряясь так и

этак, и вдруг побежала, размахивая руками, будто ветряная мельница. Пух с одуванчиков сорвался, полетел, взвихрился сплошной завесой вокруг Сани, а она, дурачась, закричала:

– Меня упаковали в вату! Или даже в сахарную вату!

Неожиданно налетела стая птиц. Они врывались в пуховое облако, склёвывая семена на лету. Это выглядело волшебно: вокруг Сани выюжили тысячи крохотных пушистых парашютов, за которыми ныряли десятки проворных птиц.

– Ох! – воскликнула Саня. – Похоже, я заварила пуховую революцию. Пора уносить ноги, пока не слетелись огромные орлы, которые примут меня за одуванчик и утащат на высокую скалу к голодным птенцам.

Она представила себя сидящей в огромном гнезде из веток в окружении больших орлиных птенцов: она будто бы читала им умный стишок, а глупые птенцы не слушали и всё время пытались её клюнуть.

Саня покачала несогласно головой и пошла прочь с поляны. Благо рядом пролегла лесная тропинка. Саня беззаботно запрыгала по ней и вскоре увидела впереди тропиночный перекрёсток. А чуть правей него, возле роскошного куста шиповника, паслись две осёдланных лошади и огладывали ягоды.

– Привет, лошадки! – крикнула шутливо Саня.

– Привет! Ты кто? – ответили ей.

– Привет! Куда путь держишь? – ответили ещё раз.

Но Саня-то видела, что лошади усердно жевали – им было

не до разговоров. Потому заподозрила розыгрыш и, чтобы проверить свои подозрения, демонстративно громко сказала:

– Лошадки, я – Саня, иду себе мирно по делам!

Сама же тихо-тихо прокралась на цыпочках к кусту, где они паслись.

– Скажи, Саня, – раздался голос из-за шиповника, – ты какой: умный...

Саня заглянула за куст. На траве лежали двое стражников в блестящих касках, в длиннющих зелёных кафтанах (и это несмотря на жаркий день!). Оба явно мучились бездельем.

– ...Или глупый? – продолжил другой, что лежал левей.

– Я вижу вас, обманщики! – категорично объявила Саня.

Стражники подняли головы, поглазели на неё и сказали:

– Ступай отсюда, девочка, не мешай.

– Ступай, мы разговариваем с мальчиком Саней.

Саня печально вздохнула и призналась:

– Я – девочка.

– Вот именно, отойди девочка!

– Беги отсюда, не мешай разговаривать с мальчиком!

Тут Саня заметила на пересечении тропинок столб с указателями. Она изумилась, потому что надписи на них были комичны. На указателе «влево» было написано «К берлоге Магистра, хо-хо». А на указателе «вправо» – «Деревня Глупцов, туда не ходи».

Саня сказала стражникам:

– Саня – это я, девочка. Это я с вами говорила, – и спросила: – Так вы из Деревни Глупцов?

– Всё же нам ответь: ты умная или глупая?

– Я умная, – гордо сказала Саня.

– Наконец-то! – стражи вскочили, схватили острые пики и объявили: – Именем короля Изольды ты арестована!

– Это с чего бы? – не согласилась Саня.

– Нам велено ловить умных путников и везти к нам в деревню. А когда в нашей деревне пойманных умных станет больше, чем нас, местных глупых, тогда деревню переименуют в Деревню Умников. Таков величайший план нашего короля Изольды по улучшению нашей деревенской жизни.

– План королевы Изольды, – твёрдо поправила Саня и пояснила: – Изольда не может быть королём, потому что из женщин получаются только принцессы или королевы.

– Да ну? – стражники засмеялись. – Вот ты – Саня, а не мальчик. Если Саня может быть девочкой, так отчего бы Изольде не быть королём! Ты арестована во благо нашей деревни!

– А вы поймите! – подзадорила Саня и помчалась к берлоге Магистра, хо-хо.

– Стой! – стражники, забыв о лошадях, пустились в погоню.

Но трудно угнаться за резвой Саней, если одеты в длинные кафтаны, стальные каски и несёте тяжёлые пики – тут уж не до быстроты.

Саня же легко летела в новых башмачках. Чудилось, сами башмачки подкидывали ноги, будто пружинили или даже окрыляли. Конечно, она не собиралась ни в берлогу, ни к Магистру, а думала промчаться мимо того странного места и оставить погоню с носом.

Внезапно тропка под ногами переменялась, превратилась в гляцевую дорожку, отливавшую точно оранжевое стекло. Но Сане рассматривать было некогда, так как преследователи были настырны. Стражи тяжело пыхтели, отставали, но не сдавались и грозно кричали:

– Стой, умная!

– Сдавайся, умная!

Саня не сомневалась: от них, неуклюжих, убежит в два счёта. Но вдруг горизонтальная дорожка наклонилась и сделалась горкой. Саня упала, перекатилась на живот, попыталась уцепиться пальцами хоть за что-нибудь. Но ни малейшей зацепки. Тогда, распластавшись и уперевшись в оранжевое стекло носами башмачков, она постаралась прилипнуть ладонями к горке, точно муха, однако не вышло (и это понятно, ведь она была девочкой, а не мухой). Саня неумолимо сползала вниз.

– Но дорожка вела к Магистру! – вспомнила она и крикнула наобум:

– Ау! Магистр! Хо-хо!

– Зачем так громко? – сурово спросил старичок откуда-то снизу, из-под дорожки. – Я не глухой. Но извиняй, я занят

необычайно важным делом – дремлю после сытного обеда.

– Но я падаю!

– И падай себе на здоровье. Я под тобой соломки постелил – не ушибёшься. Ты из Деревни Глупцов?

– Нет! Я из далёкого города!

Голос сразу подобрел:

– Другое дело, таким гостям рад! Тогда чего цепляешься? Вались вниз, и добро пожаловать в берлогу.

– Так и быть, валюсь, – мрачно пробурчала Саня.

Однако валиться не получалось: она по-прежнему медленно съезжала по скользкой горке.

Тогда Саня спокойно улеглась на бок, подпёрла рукой щеку – в общем, устроилась поудобней. Ведь неизвестно, сколько ещё лет ей предстояло ехать к Магистру при таком-то неторопливом скольжении. Может, два года, а могло стать, все двадцать. Саня представила себе, как двадцать лет будет ехать и ехать, потихоньку старея. И когда наконец ввалится в берлогу (уже старенькая и седенькая), тогда с чистой совестью скажет: «Здравствуйте, давным-давно я выехала к вам Саней, но доехала уже Александрой!»

Или даже так, красиво: «Бонжур, я престарелая бабуся из Франции, теперь зовусь Александра!»

Тут поняла, что тогда совершит дурной поступок – соврёт, ведь она не из Франции. Но мигом отыскала выход. Если сейчас же поклянётся себе, что потом обязательно съездит во Францию, то соврёт она ненадолго, только до поездки в

эту европейскую страну. И когда оттуда возвратится, тогда ложь обернётся правдой и она сразу перестанет быть врушей-грушей!

Но поклясться она так и не успела, потому что стеклянная горка внезапно оборвалась, и Саня наконец-таки повалилась хоть куда-то...

Глава вторая, в которой двери прячутся за дверьми, а Люминивый Попугай слишком много на себя берёт

Падая, Саня глянула вниз и увидела под собой крышу домика, но не успела испугаться, как пролетела её насквозь. Она упала на пол, выстланный толстым ковром, бархатистым и пружинящим. Саня села и огляделась.

Комнатушка, в которую она приземлилась, выглядела нелепо. Вся мебель была сплетена из толстой лозы: даже умывальник в углу, картины и, поразительно, светильники на стенах. В кресле-качалке, тоже из лозы, тихо сидел старичок без бороды в белых брюках, белой рубашке и белых-белых теннисных туфлях. Он выглядел эдаким одуванчиком: чистенький, седенький и благодушный.

Старичок покачивался в кресле, заложив ногу за ногу, и добродушно посматривал на Саню одним правым глазом, зрачок которого был серым и тусклым. Левый же глаз был прикрыт чем-то, что Саня окрестила «несуразным моноклем». Это была большая круглая оправа со стеклом, заклеенным обрывком газеты с надписью «брысь!», выведенной красным карандашом. Несуразный моноколь ни на чём не держался (не было ни душки за ухо, ни верёвочки), он про-

сто висел, прикрывая левую глазницу старичка.

Саня вспомнила, что неприлично пялиться на незнакомых людей, и перевела взгляд на окно. Но занавески закрывали его столь плотно, что смотреть туда оказалось неинтересно. Тогда она перевела дух и сделала четыре хороших дела зараз – состроила сердечное лицо, поздоровалась, поблагодарила и представилась:

– Здравствуйте. Спасибо. Я – Саня.

Старичок ответил отчего-то сокрушённо:

– Хотел бы с излишними церемонностями пригласить тебя в гости, да поздно: уже ввалилась кубарем. Я – Вверх Магистр, а «хо-хо» не значит ничего, это я так, для смеха на указателе приписал.

Слова прозвучали чужаковато, а имя и вовсе чудно, но Саня решила: не её это дело. И, чтобы наладить тёплые отношения, любезно посочувствовала старичку:

– Очень, очень жаль, что вы его потеряли.

– Что потерял?

– Ваш глаз.

– Батюшки! – переполошился хозяин берлоги. – Я потерял глаз. Нужно срочно искать!

Он сделал едва уловимое движение бровью – и несуразный монокль сам собой перескочил через переносицу на правый глаз. Старичок, сидя на кресле-качалке, наклонился, согнулся пополам и принялся осматривать пол открывшимся левым глазом.

– Куда ж он закатился? – сетовал хозяин.

– Ой! – вскрикнула Саня. – Да у вас оба глаза на месте.

Старичок поднял взгляд на неё, обстоятельно оглядел, похоже, с затаённым подозрением. А Саня, позабыв о приличиях, устала на глаз, что открылся. Зрачок его жёлто горел, точно тигриный глаз. Ещё в нём время от времени пыhalo золотое пламя – и тогда на грудь старичку низвергалась россыпь искр, таких же ярких и жёлтых, как сам зрачок.

Магистр вновь двинул бровью, монокль прыгнул обратно и прикрыл «тигриный» глаз. Старичок пожевал губами в раздумьи и Сане медленно выговорил:

– Несуразная ты какая-то. С крапивной чудинкой, да не злая. Это вроде как не ахти – да недурственно, местами славненько.

– Не обижайтесь, пожалуйста, – грустно попросила Саня. – Я нечаянно так решила про ваш глаз... по ошибке... глядя на заклеенный монокль.

Старичок расплылся в улыбке и охотно пояснил:

– Это не монокль, а *отпугмаг*. Видишь ли, серый глаз у меня заурядный – обычный человеческий. Другой же, который цвета волшебства, – магический. Увы, когда не ворожу, вынужден держать его под заслонкой, чтобы невзначай не сотворить чего ненужного... или опасного... или бесконечного.

– Так вы – волшебник! – Саня распахнула рот в изумлении, но спохватилась и запахнула. – Что такое отпугмаг?

– Это сокращение от слов «отпугиватель магии».

– А надпись зачем?

– Это милое «брысь!»? – зачем-то уточнил Магистр.

Саня кивнула.

Старичок поднял к потолку указательный палец, как поступают пожилые люди, когда требуют особого внимания, и обстоятельно растолковал:

– Как раз «брысь!» и прогоняет назойливую магию, которая вьётся над моей головой, норовя залезть в левый глаз. А отпугмаг вроде цепного пса: не лает, не кусает и в глаз не выпускает!

Саня поникла: сказать не сказать, и всё-таки не удержалась, поправила старичка:

– Не лает, не кусает и в дом не выпускает – эта загадка не про собаку, а про надёжный замок.

Тут откуда-то снаружи домика долетел громкий стук, будто со всей силы били ногой в дверь.

Саня вздрогнула.

– Кстати о замках, – старичок беззаботно улыбнулся и, указывая на окно, пояснил: – Это там, наверху, дверь ломают.

– Дверь? Не видела никакой двери.

Магистр добродушно хихикнул:

– Ну, ты же нормальная. А они... – он брезгливо скривился, – ...привыкли всюду двери ломать, вот и здесь ломают. Нужно не нужно, есть дверь – нет двери. Всё одно, ломают.

– А вдруг выломают? – спросила с тревогой Саня.

Магистр пожал плечами и в свою очередь спросил:

– Как можно выломать то, чего нет?

Теперь уже Саня пожимала плечами.

Старичок встал, подошёл к окну и раздвинул занавески.

– Ух, ты! – воскликнула Саня.

За окном вдали высились могучие горы, а вернее сказать, могучие горы низились, потому что были перевёрнуты вершинами книзу. Снежные шапки с горных пиков опасно провисали, да не срывались. Узкий ледник взбирался по ущелью, также перекувырнутому вверх тормашками.

Магистр же расценил её восклицание по-своему: озорно подмигнул Сане и решительным толчком рук распахнул оконные рамы. Высунулся по пояс наружу и с деланной сердитостью прокричал:

– Хватит тарабанить! В берлоге никого нет. Хозяин вернётся через сто лет. Просьба обождать и не беспокоить. Хоро!

Магистр переместился из окна в комнату и, безмерно довольный своей шуткой, ликующе сообщил:

– Какой я молодец, знатно их разыграл!

В самом деле, несмотря на явную нелепицу его заявления, удары прекратились, и топот бегущих ног зазвучал удаляясь.

Магистр весело прибавил:

– Побежали доносить королю Изольде, что меня нет дома. Хотя, если поразмыслить: ну откуда королю быть в деревне?

Деревня же не королевство! – и, заметив только сейчас в глазах Сани немой вопрос, всполошился: – Ох-ох, что не так?

– Горы.

Старичок доверительно повiniлся:

– Абсолютно права: это горы. Понимаешь, я прожжённый гурман: души не чаю в чистом горном воздухе.

– Я не про то, – сказала Саня. – Там наверху, на тропинке, гор не было... И почему они перевёрнутые?

– Моя берлога лежит на ином, на Горном Уровне, – обыденно пояснил Магистр. – А что горы перевёрнуты, так это на свежесть воздуха не влияет. Ну ладно... чтобы тебя не смущало...

Магистр надавил рукой на угол подоконника, и оконная рама, вся целиком, перекрутилась вокруг центра. С рамой перевернулся и пейзаж за окном, точно был картиной. Снежные пики устремились вверх, как и полагалось от природы. Но теперь оказалось опрокинутым окно: подоконник вздернулся вверх, а шнур, на котором крепилась занавеска, переехал вниз – оттого шторы свесились аж до пола.

Старичок в раздумьи побарабанил пальцами по оконной раме да махнул на окно рукой и сказал:

– Бяк-сяк, пустяк. Так зачем я тебе столь срочно понадобился?

– Ни за чем, – пожала плечами Саня.

Ведь правда, сюда она попала совершенно случайно, спасаясь от погони.

Хозяин берлоги не подивился такому ответу, лишь переспросил, скрупулёзно уточняя:

– Как сильно ни за чем: просто ни за чем, или нисколько ни за чем?

– Ни капельки ни за чем, – предложила Саня третий вариант.

– Ого! Дело особой судьбоносности! – ошеломлённо воскликнул Магистр. – Заплутавший путник – это не какой-нибудь мелкий лазутчик, это мировая катастрофа!

Он бровью подвинул отпугмаг, открыв волшебный глаз.

Саня увидела, как полоска золотистого света проблеснула у старичка из-за уха и шмыгнула в магический глаз – наверное, это было то самое кружившее над головой волшебство, о котором он говорил. Глаз запульсировал неведомой силой, обсыпая грудь и плечо старичка золотыми искрами.

Магистр по-хозяйски распорядился:

– Следуй за мной, не отставай ни на шаг, коль жизнь дорога.

И пошёл вдоль окна.

Саня могла поклясться: только что справа от окна не было двери. Теперь же дверь, низкая и широкая, сама отворилась перед Магистром.

Магистр прошёл первым. Саня переступила порог следом, помня о строгом наказе не отставать.

Они вошли в комнату, которая была квадратной. В углу по жёрдочке расхаживал Попугай диковинной расцветки, будто

его обсыпали алюминиевой пудрой. Он важно ступал лапами в густых перьях, как в штанишках. При этом хитро щурился и на каждом шаге кивал себе хохлатой головой, точно бы соглашался с тайными мыслями.

Понизу комнаты шли четыре нормальных двери, а над ними возвышались четыре двери, перевёрнутые вверх тормашками, как недавно горы в окне. Для верхних дверей полом служил потолок. Кроме того, ещё одна закрытая дверь лежала на полу, прямо-таки под ногами.

Магистр указал на неё и остерёг:

– Не наступи, не то... – он вскинул руки над головой, резко растопырив пальцы, – ба-бах!

Сам прилежно дверь обогнул и отворил другую, нормальную, в противоположной стене. За ней тянулся коридор, в конце которого была дверь. Далее новый коридор и снова дверь. Там ещё коридоры, ещё двери...

Неожиданно старичок приостановился и скомандовал:

– Ступай медленней. Медленней. Ещё медленней.

– Извините, – не утерпела Саня, придерживая шаг. – Зачем вам столько дверей и пустых коридоров?

Магистр смятенно обернулся:

– Будь добра, не отвлекай. Я меняю измерения пространства на многих уровнях сразу. Это нелегко. Зато мы отлично ходим по кругу.

– Но круг никуда не приведёт.

– Естественно! Но закруглит нас к Магистрате!

– Кто такая Магистрата?

– Она – сестра Магистра.

– Но Магистр – это вы.

– Ай-ай-ай, бедняжка. Ты только сейчас это поняла? Конечно, Магистр – именно я, не сомневайся.

– Стало быть, Магистрата – ваша сестра, – вдумчиво пояснила Саня.

Магистр стал как вкопанный и огорошенно произнёс:

– Э, вона как дело обернулось. То-то гляжу, мы со старушкой похожи. Эх, мне бы не забыть эту новость ей передать – вот старушенция обрадуется.

Он пошёл дальше, сокрушённо покачивая головой.

Из его мудрёных ответов и головоломных суждений Саня уяснила лишь одно: не нужно старичка отвлекать.

Пройдя следующую дверь, они оказались опять в квадратной комнате с попугаем. С той лишь разницей, что бывший потолок теперь стал полом, а прежний пол – потолком. Опасная дверь в центре него распахнулась и висела, качаясь на петлях и скрипя: в проёме было видно ночное небо, всё в звёздах.

– Эти звёзды, они настоящие? – спросила изумлённая Саня.

– Естественно, нет, – возразил Магистр. – Эти звёзды истинные, это Млечный Путь. Но мы по этому пути не пойдём.

И он отправился вперёд через комнату.

Попугай был на жёрдочке вниз головой. Он внезапно со-

щурил глаз, сорвался с насеста и облетел комнату на спине, выбрасывая крылья так, как выкидывает руки плывущий на спине человек.

– Он что, ненормальный? – изумилась Саня.

Попугай вернулся в угол, опять повис на жёрдочке хохлатой макушкой книзу и оттуда невежливо прокричал Сане:

– Сама ненор-рмальная! Это ты ногами вверх-рх!

– Вверх – это он меня приветствует, – радостно объявил Вверх Магистр и приветливо помахал ладошкой попугаю.

– А давайте, – вежливо предложила Саня, – выпустим попугая на волю. Ему явно не по нутру сидеть взаперти.

– На волю? – Магистр непонимающе вытаращился на Санию, но мигом расплылся в широкой улыбке. – Ты добрая. Но не переживай – это не живой, а Люминивый Попугай. Он иллюзия, которая мне нужна, чтобы верно определять высоту-глубину у коридоров пространства, когда их изгибаю.

Затем Магистр кивком указал на дверь справа:

– Наш путь лежит через эту Толковую дверь и по вещевому хранилищу, что за ней. Но впустит ли дверь тебя? Всё зависит от чистоты твоих помыслов и намерений...

– А если во мне... дурные мысли, тогда что?

– Испепелит на месте, – сказал старичок и быстро остерег: – К Толковой двери пока не прикасайся, дождись, я отойду в сторонку, чтобы и меня в случае чего нехорошего не сожгло пламенем.

Он отступил от Сани, пятясь задом и не прекращая, одна-

ко, её ободрять:

– Как отойду, толкай смело: чему суждено сгореть – того не потушить.

Саня всерьёз задумалась: стоит ли вообще толкать Толковую дверь? Решила, что стоит: ведь за ней пряталось что-то необычайное. Она честно искала в себе тёмные намерения, но не обнаружила, поэтому смело толкнула дверь, думая лишь о том, чтобы дверь в ней не ошиблась невзначай.

Саня ощутила, как горячие мурашки припустили по спине, и в голове закопошились чужие вопросы. Они, понятно, исходили от Толковой двери.

«Где находится Северный полюс?»

– На севере, – твёрдо ответила Саня.

«Где находится Южный полюс?»

– На юге, – твёрдо ответила Саня.

«Где находится экватор?»

– Посередине между севером и югом, – твёрдо ответила Саня.

«Где находится...»

– Эй-эй! – закричала Саня, которой допрос двери надоел. – Если ничего не знаешь – так изучай географию. Ну-ка, проваливай из моей головы.

Стороннее присутствие исчезло, заявив напоследок: «У-у, нахалка!» И на смену вопросам явилась редкая лёгкость, будто прибавилось сил – даже башмачки, преисполнившись энергии, затанцевали сами собой.

И вдруг Саня, не желая того, пустилась в пляс! Со стороны это выглядело неважно, потому что башмачки отплясывали бесконтрольно. Ноги выделявали чудные коленца, от которых Саня то подпрыгивала, то приседала – иногда и то, и другое разными ногами одновременно. От этого ноги заплелись, и она растянулась на полу.

А в голове отчётливо раздалось:

«Будешь знать, как хамить Толковым дверям!»

Следом и Люминивый Попугай раскричался:

– Танцор-ры с возу упа-али! Попр-рошу во-он!

– Месье Попугай, – сказала Саня, которая сидела на полу и отдыхала после сумасбродного танца. – Вы слишком много на себя берёте!

Но главное случилось: Толковая дверь, что вела в хранилище, широко распахнулась.

– Славненько, что в тебе не ошибся, – похвалил Магистр и обошёл Саню опасливыми шажочками, – хоть и капитально в тебе сомневался.

Саня встала, вслушалась в голову – но там стояла милая сердцу тишина. Тогда девочка сказала Магистру:

– Сумасбродная у вас берлога. Здесь одни двери прячутся за другими, будто бы играют друг с другом и с нами в прятки.

Но Магистр не согласился категорически:

– Нет-нет, что ты! Большую часть времени мои двери играют в салочки!

– Они что, все гоняются друг за другом? – не поверилось

Сане.

– Нет-нет! У нас всё по правилам. Только водящая дверь гоняется за другими, чтобы их осалить – а те, сама понимаешь, несутся сломя голову. И на пути у них лучше не стоять, поэтому я прячусь под столом.

Сказал так и прошёл в Толковую дверь.

Саня побрела следом, размышляя: «Неплохо бы наловчиться понимать: когда старичок говорит правду, а когда шутит».

Здесь, в центре просторной залы, была навалена высоченная гора из старых вещей – пожалуй, тонны всякого хлама. Тут лежали сотни ковров, потёртых и побитых молью до дыр. Тысячи столов и стульев топорщились поломанными ножками. Из середины завала выпирало железными боками нечто грандиозное, похожее на старинный паровоз, какой Саня видала по телевизору. Там и сям из ворохов старья торчали ржавые стеллажи и полки. От кучи растекался угнетающий запах лежалого тряпья. В общем, не хранилище, а заброшенная свалка.

Однако лицо Магистра сияло счастьем:

– Это я в прошлом году, когда тут порядок наводил, всё так аккуратненько по местам сложил.

– Аккуратненько? – Саня всплеснула руками и хмыкнула иронично.

Она ещё на раз окидывала взглядом свалку рухляди, где не было видать и намёка на порядок.

– Конечно, аккуратненько, – подтвердил Магистр, потирая руки. – Заглянула бы в соседнюю комнату – вот где, признаюсь, полнейший обвал.

Саня промолчала из вежливости.

Старичок тем временем пояснил:

– Тут хранятся волшебные вещи.

– Всё это волшебные вещи? – ахнула она.

– Да. Хочешь, подарю волшебную палочку?

Саня решила, что палочка сгодилась бы. Но выпрашивать что-либо посчитала дурным тоном, потому просто кивнула, как бы соглашаясь с решением самого Магистра, но не попрошайничая.

– Легко отыщем, – старичок заходил вокруг кучи, вглядываясь в предметы. – Вспомнить бы, куда её положил.

Саня указала на побитые молью ковры:

– Это что, ковры-самолёты?

– Кто б знал, – отмахнулся Магистр, который, согнувшись, рылся в куче хлама. Но найти здесь что-нибудь определённое было невозможно. Он выпрямился: – Видать, палочку я положил в другое место. Там, где полный обвал, то есть в соседней комнате.

Он прошёл бодрыми шажочками к неказистой двери с облупившейся по всей поверхности краской. И со словами: «Точно! Она здесь!» потянул за дверную ручку.

Водопад из вещей, сдерживаемых до того дверью, ринулся на свободу...

– Берегитесь! – воскликнула Саня, да поздно, Магистра завалило с головой.

Накативший вал вещей утрясался-усаживался около минуты, пока, наконец, не затих.

– Магистр! Вверх Магистр, где вы? – напрасно звала Саня, обегая навал с трёх сторон.

Старичка не было видно. Она ухватила причудливую металлическую загогулину, потянула...

Вдруг вещи сами лениво зашевелились. А затем...

Весь навал зараз подскочил к потолку и там закружил. На полу остался только Магистр. Он лежал на спине, и ярко-жёлтый глаз источал золотистую магию. Старичок победно сжимал в руке короткую толстую палочку, длиной с карандаш и толщиной с сардельку. Он гордо произнёс:

– Видишь, не обманывал: обвал тут полный.

Саня подала руку, чтобы помочь подняться. Но волшебство уже подхватило старичка и, перевернув через голову, утвердило на ногах.

Саня с опаской покосилась на кружащую над головой тучу из тяжелых остроугольных предметов и со вздохом сожаления сказала:

– Кабы знала, сколько всего на вас обрушится – так и не надо бы мне волшебной палочки.

– Ах, как ты права – действительно, не проблема.

Иногда казалось, что старичок уходил от мира во внутренний разговор, из которого извлекал свои диковинные от-

веты.

Из магического глаза полетели искры, и вещи из-под потолка ринулись гуртом обратно в открытую дверь – они толкались, спеша обосноваться на насиженных местах. Когда набились стеной, тогда из недр выскользнула резиновая перчатка. Она надулась, пальцы-сосиски ухватили дверную ручку, потянули – и дверь захлопнулась, издав зубодробительные звуки: кряц-бряц-бац-цац!

Сделав дело, Магистр прикрыл магический глаз отпугмагом и отдал волшебную палочку Сане:

– Держи подарок.

Саня опасливо повертела вещицу в руках.

– Что может эта волшебная палочка?

– Одно из двух: или может всё или ничего, – магистр мучительно свёл брови, стараясь выудить из памяти нечто ускользающее, но сник: – Память как решето – ничегошеньки не помню об этом волшебстве. Сколько же мне лет?.. Эх, хоть кто-нибудь знает: сколько же мне лет?

– Не беда, – сочувственно ободрила Саня.

– Точно. Спрошу сестричку, у неё с памятью всё в ажуре.

Но Саня покачала головой:

– Лучше не знать свой возраст. У моей подруги Зинки жила ручная мышь. Хорошенькая, пушистая. И вот, когда справляли день рождения мыши – а стукнуло ей три годика – Зинка вычитала в журнале, что домашние мыши и живут-то всего два-три года. И по глупости рассказала мышке,

что ей сейчас – будь она человеком – исполнилось бы девяносто лет. Мышь услышала такое, осознала возраст – и вмиг померла.

Магистр воодушевлённо заторопился вправо.

Там, конечно, стояла дверь. Саня уже не удивлялась нескончаемым дверям, но эта была особенная: высокая-высокая и узкая-узкая – будто бы вытянутая до потолка дверца одёжного шкафа.

Магистр постучал, повторяя:

– Магистрата... Магистрата... Магистрата...

Дверь открылась сразу.

Саня не видела Магистрату – спина старичка полностью перекрывала узкий проход – но была очарована сиянием, пролившимся из комнаты. Сияние выглядело так, будто все холодные цвета палитры красок смешались, и полученный оттенок заиграл вертикальными полосами света. Так, верно, переливалось и северное сияние, которого Саня никогда в жизни не видала.

– Чего надо? – спросил ворчливый старушечий голос.

– Я шёл спросить, – признался Магистр, – сколько мне лет. Но уже не хочу, потому что от этого знания мрут даже мыши.

– Вздор! – Магистрата захлопнула дверь у него перед носом.

Саня же серьёзно воскликнула:

– С Зинкиной мышью был не вздор, а всамделишно!

Дверь снова распахнулась, и старушечий голос озадаченно спросил:

– Кто хоронится за тобой?

– Знать не знаю! – отчего-то радостно ответил Магистр. – Просто Саня.

– Мальчик Саня или Саня девочка?

Магистр неуверенно сказал:

– Скорей всего, Саня девочка. Потому что в платье, но без отчества и без фамилии.

– Зачем фамилия? – встряла в разговор заскучавшая Саня. – Просто – Александра.

– Входите, – позвала старушка. – И просьба: ноги не вытирать. Ни в коем случае!

Глава третья, в которой оладыи водят хороводы, а Люминивый Попугай выделывается уже по полной

Саня протиснулась в проём двери и оказалась в огромной зале – природной пещере, образованной в недрах горы.

Высокий потолок был покрыт кристаллами хрусталя, усеян изумрудами и топазами. Они царственно сияли, порождая полосы холодного света, которые Саня видела из-за двери. Дивный свет нёс восхищение.

Посередине пещеры на малахитовом постаменте лежал исполинский прозрачный шар, диаметром, пожалуй, в два роста Сани. Постамент обегала дорожка, усеянная мелкими кристаллами-песчинками: ярко-жёлтыми, сочно-зелёными, пылающими красными. Смешанные, они искрились, создавая чарующую текучесть: будто ручеек многоцветья обтекал постамент с шаром.

Большую часть пещеры занимали глыбы гранита и мрамора, разбросанные как попало. На них лежали ящерки, золотые и серебряные, их была тьма-тьмущая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.